

Из переулка на обочине улицы медленно вышла фигура. Это была девушка на вид лет шестнадцати-семнадцати, в белоснежном шёлковом платье, словно лунный свет и иней в горной долине. На её лбу была наклейка в виде грушевого цветка, выражение лица было холодным и отстранённым, она походила на лунную фею — бесстрастную, но прекрасную.

Она посмотрела вслед удаляющимся фигурам Су Фанму и Чанли и слегка нахмурила брови.

— Деревня Аньнин? Они... оказывается, из Деревни Аньнин.

Поскольку Су Фанму уже несколько лет принимала заказы на косметику в Городе Ло, её лавка открылась через несколько дней. Румяна и пудра были товаром, который покупали все — от знатных дам до бедняков. Большую часть своих денег Су Фанму потратила на аренду помещения, и у неё не было достаточно средств на дорогие благовония, поэтому для изготовления румян ей приходилось использовать обычные цветы — воробейник, сафлор, гранат. Однако, благодаря тщательному процессу изготовления, её румяна получались насыщенного цвета и сладко пахли, что очень нравилось простым девушкам.

Но простые девушки не могли платить высокую цену, к тому же обычно пользовались косметикой только по особым случаям, поэтому спрос был невелик. Су Фанму это очень беспокоило, и она рассчитывала, что, когда закончит с текущими делами, проживёт несколько дней в хижине на северной горе у Деревни Аньнин — тогда будет удобнее ходить в Высохшую долину за редкими ароматными породами дерева и перемалывать их в порошок.

— Чанли, отнеси госпоже Ян две коробочки гранатовых румян.

Чанли как раз вприпрыжку входила, сжимая в руках свои драгоценные фигурки из теста. Услышав, что её зовёт Су Фанму, она мгновенно оказалась перед ней и послушно взяла две фарфоровые коробочки. С той ночи в Деревне Аньнин Чанли, казалось, стала гораздо послушнее — по крайней мере, начала утихомириваться, и случаи, когда она от недовольства поднимала руку и всё поджигала, почти прекратились. Это очень радовало Су Фанму.

— Держи крепче, — открывая дверь, не забыла предупредить Су Фанму. — Смотри, не разбей, а то —

— А то шкуру спущу! — быстро подхватила Чанли, прижимая к себе обе коробочки.

— Иди по главной дороге, и не смей —

— Не смей лазить по крышам!

— Чанли...

— Не волнуйся, не волнуйся! — Чанли вышла из лавки, обернулась и бросила на Су Фанму

взгляд, который должен был её успокоить. — В этот раз я точно пойду по большой дороге! Не беспокойся! — С этими словами она умчалась прочь, словно её и не было.

Су Фанму с недоверчивым видом отряхнула одежду. Хм, не беспокоиться? И не вспоминать, сколько банок румян она разбила за эти дни?

Как раз когда Су Фанму, ворча про себя, разбирала цветочное сырьё, в лавку проник изящный, но с оттенком юности, голос.

— Простите, здесь есть Су Фанму?

Су Фанму от этих слов опешила, в душе всколыхнулось непонятное чувство знакомости, но не давалось объяснения. Она обернулась и застыла на месте.

Перед ней стояла девушка в белоснежном шёлковом платье, сияющая, словно лунный свет, пролившийся с горной вершины. На её лбу красовалась наклейка в виде грушевого цветка, очень идущая её лицу. Видя, что Су Фанму не отвечает, она повторила вопрос.

— Простите, здесь есть Су Фанму?

— Ах, я и есть Су Фанму. Откуда вы знаете моё имя, барышня? — Су Фанму опомнилась; смутное чувство знакомости слегка туманило ей голову.

— Я вовсе не знаю, что вас зовут Су Фанму. Я спрашиваю про «саппановое дерево» из Линьи в Фунани. — Девушка была холодна и бесстрастна, в её интонациях будто застыл иней.

Су Фанму никогда не встречала такой ледяной девушки и на мгновение даже растерялась, не зная, что ответить.

— Саппанового дерева, о котором вы говорите, у меня нет, но...

— Мне по душе только саппан. Будь оно дорогим или дешёвым, я люблю лишь его. — Девушка холодно прервала её.

Су Фанму совсем сбилась с толку и уже не знала, что сказать, как вдруг увидела, что девушка снимает с пояса большой ароматный мешочек. Едва она его открыла, комнату наполнил благоуханный аромат, словно все оказались в благовонном шатре, полном неги.

— Здесь агаровое и сандаловое дерево, по три ляна каждого. Я дарю их тебе. Всё равно они мне не нравятся.

— Это... — Су Фанму снова потеряла дар речи. Эта девушка пришла, чтобы подарить ей благовония, но использовала такой предлог. Подумав об этом, она почувствовала себя и польщённой, и ей захотелось смеяться. Такая неловкая прямота могла сравниться разве что с Чанли.

Она от души поблагодарила девушку в белом и с улыбкой приняла мешочек.

— Барышня, проходите, присаживайтесь. — Су Фанму убрала мешочек, заварила чай и протянула его гостю. — Осмелюсь спросить, как вас зовут?

— Меня зовут... Это? — Девушка взяла чай, опустила взгляд и увидела, что Су Фанму протянула ей чашку в виде зайчика. Зайчик был с задранной задом, очень живой и забавный, и девушка засмотрелась на него, не мигая.

Су Фанму, заметив, как она разглядывает чашку, объяснила:

— Эта чашка обычно принадлежит моей младшей сестрёнке. — При упоминании Чанли в её глазах невольно мелькнула радость. В тот день в фарфоровой лавке она выбирала коробочки для румян, а Чанли, увидев эту забавную чашку-зайчика, не выпускала её из рук, придя в полный восторг. Но, зная, что у Су Фанму не хватит денег, Чанли послушно поставила чашку на место, а выходя из лавки, всё время оглядывалась. Су Фанму, видя, как ей нравится, тайком купила её, спрятала в рукав и вечером незаметно положила под подушку Чанли. Чанли так обрадовалась, что обняла её и сладко поцеловала в щёку.

Су Фанму легонько коснулась щеки — на ней, казалось, всё ещё хранилось тепло поцелуя Чанли.

Глядя на выражение лица Су Фанму, девушка, похоже, даже слегка нахмурилась. Она сделала маленький глоток чая и холодно произнесла:

— Меня зовут Инь Цзи.

— Инь Цзи? Какое изысканное имя. — Су Фанму улыбнулась, и в душе снова всколыхнулось то чувство знакомости. Она невольно спросила: — Сколько вам лет, барышня Инь?

Инь Цзи на мгновение запнулась:

— В этом году... только что исполнилось шестнадцать.

Шестнадцать? Значит, я зря волновалась. Мысль, мелькнувшая в голове Су Фанму, угасла. Иньэ была того же возраста, что и Чанли — в этом году ей должно быть тринадцать. Хотя черты лица Инь Цзи казались ей смутно знакомыми, на вид ей действительно было лет шестнадцать-семнадцать. Уж точно не Иньэ...

— О чём ты задумалась?

Услышав вопрос Инь Цзи, Су Фанму подняла взгляд и встретила с ней глаза. Глаза у Инь Цзи были красивыми — не продолговатые и изящные, как у Чанли, а мягкие миндалевидные, совсем как у неё самой. Только вот Су Фанму была мягкосердечна, и глаза её всегда светились теплотой, а Инь Цзи отличалась холодным нравом, и её миндалевидные глаза тоже были холодны и бесстрастны, лишены лишних эмоций.

Но сейчас в них сквозила та смущённая растерянность, которую не могла скрыть шестнадцатилетняя девушка. Су Фанму улыбнулась и ответила:

— Я думала о саппановом дереве, которое вам так нравится.

— Саппан? Ты его видела? — холодно спросила Инь Цзи.

— Конечно, видела. Я даже делала из него румяна. — Су Фанму убрала за ухо выбившуюся прядь волос, голос её звучал мягко, словно вода. — Раз вам так нравится саппан, вы, должно быть, знаете, как его обрабатывают?

Инь Цзи на мгновение застыла, а потом неожиданно улыбнулась. Эта улыбка была подобна закату зимы и проблеску зари. У Су Фанму от неё сжалось сердце.

— Конечно, знаю. — Инь Цзи подняла чайник и налила себе чай; звук льющейся воды и её голос слились воедино. — Цветы саппана жёлто-зелёные. Нужно взять его молодые ветки, нарезать тонкими ломтиками и прокипятить в воде — тогда получится красный краситель. Затем процедить, высушить в тени — и красный порошок готов. Его можно сразу наносить на лицо. Госпожа Су, я права?

Когда она закончила, Су Фанму одарила её восхищённой улыбкой.

— Барышня Инь Цзи, у вас обширные познания.

— Не смею... это просто то, чему меня когда-то научили, я и запомнила. — Инь Цзи слабо улыбнулась и сделала глоток чая.

— Раз барышня Инь Цзи интересуется румянами, не слышали ли вы о «горных цветах»? — Су Фанму, казалось, воодушевилась и начала оживлённо обсуждать с Инь Цзи цветочное сырьё для румян. Инь Цзи тоже проявила немалый интерес, и их беседа потекла легко и непринуждённо.

— «Горные цветы» растут кустами, часто встречаются в горных долинах Дуаньчжоу. Листья их похожи на орхидею, цветы — на горец. Цветоносы вытягиваются на два-три цуня, цветки голубовато-белые, распускаются в первый месяц. Изготовленные из них румяна по красноте не

уступают румянам из сафлора.

— Барышня Инь, вы знаете, что из горных цветов делают румяна. А не знаете ли вы, как именно? — Су Фанму решила проверить познания Инь Цзи и задала вопрос.

Инь Цзи улыбнулась уголками губ и спокойно заговорила:

— Для изготовления румян из горных цветов нужно взять нераспустившиеся бутоны, измельчить их в ступке в кашу, затем добавить чистой воды до консистенции густой каши. Процедить через шёлковую ткань, отжать. Взять оставшуюся тонкую массу, снова залить соком в глазурованный фарфоровый сосуд и варить на медленном или сильном огне. Варить до тех пор, пока крошечные лепестки не всплывут на поверхность. Когда остынет, выловить их, растереть в пасту, положить в шёлковый мешочек и высушить в тени — тогда и получится красный пигмент. Можно сразу наносить на лицо.

Су Фанму всплеснула руками в знак одобрения.

— Ни шагу не ошиблись. Барышня Инь тоже любит делать румяна?

— Не особенно. Просто... для одного человека. — Инь Цзи безучастно смотрела на Су Фанму.

— Вот как? Для одного человека? — удивлённо переспросила Су Фанму и с насмешливой ноткой добавила: — Может быть... это возлюбленный барышни Инь?

Инь Цзи явно не ожидала такого вопроса. Она поднесла руку к волосам, скрывая мгновенную растерянность.

— Можно сказать и так.

Су Фанму заметила её замешательство и сменила тему.

— Это на ваших бровях — пудра «Лазурная птица»? Если честно, с этой пудрой я работаю лучше всего. Если барышне Инь нравится, я сделаю несколько штук и подарю вам?

Инь Цзи поняла, что Су Фанму хочет избавить её от неловкости, и с улыбкой поддержала новую тему.

Послеполуденное солнце было самым ярким за день. Его лучи струились сквозь решётчатые оконные рамы, ложась на их волосы и плечи. Время, казалось, кружилось и утекало мимо них, словно желая, чтобы этот миг длился как можно дольше, ещё дольше...

— Су Фанму-у-у! Я вернулась! Я не разбила румяна! И та старшая сестрица меня похвалила! — Чанли вприпрыжку влетела в лавку, но, увидев открывшуюся перед ней картину, замерла на месте, сжимая в руках две фигурки из теста и широко раскрыв глаза. — Су Фанму, это кто? Почему ты дала ей мою чашку-зайчика?!

— Чанли, барышня Инь — гостя. Что за крик? — Су Фанму тут же приструнила её. Детей нужно так воспитывать, иначе они совсем не будут знать правил приличия.

— Су Фанму... — Чанли обиженно опустила голову. Раньше она бы непременно выхватила свою чашку, а того, кто посмел её взять, обругала бы последними словами. Но сейчас она не хотела сердить Су Фанму и, стиснув зубы, проглотила обиду.

Однако Инь Цзи, казалось, совершенно не умела читать выражение её лица. Она повернулась к Су Фанму и ослепительно улыбнулась.

— Сестрица Фанму, мне очень нравится эта чашка. Не могла бы ты подарить такую же и мне?

<http://bllate.org/book/19783/1949584>